

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

"Вся Земля".

I.

В предшествующем изложении было указано, что Михаила Феодоровича Романова в 1613 году избрали на царский престол выборные представители населения всего государства — "вся земля". В свое время — в 1598 году — по смерти последнего царя московской династии Феодора Ивановича боярин Борис Годунов занял престол также по "всенародному" избранию. Но тот собор, который избирал Бориса, существенно отличался по своему составу от "всей земли" 1613 года.

До Смутного времени Московские государи имели обычай в важных случаях московской жизни собирать соборы. К обычному своему совету, "думе" из бояр и думных людей, они присоединяли совет московского митрополита (позднее патриарха); это был так называемый "освященный собор" или "власти". Совместное заседание бояр и "властей" именовалось "собором" и занималось всякими делами — и церковными, и государственными, какие только государь считал нужным передать на суждение собора. Иногда, в случаях чрезвычайной важности, к "властям" и боярам присоединялись советники других общественных состояний. Государь приказывал "быть на соборе" своим придворным чинам, столичным дворянам, а также выборным старостам и головам московских торговых и промышленных "сотен" и "слобод". Наконец, к столичным чиновникам и жителям присоединяли и тех отборных провинциальных дворян, которые бывали за отличие вызываемы в Москву для службы в столице; их в те времена называли особым именем "из городов выбор". Итак в особо важных случаях собор составлялся: 1) из духовенства, приходившего на

общий совет в составе особого "освященного собора", 2) из бояр и думных людей, составлявших особую "думу", и 3) из приглашенных государем лиц разных сословий. Население никого не выбирало от себя на эти соборы. Бывали на соборах *выборные* "старосты", "головы", "сотские"; но выбираемы они были не на собор, а для целей самоуправления тех общин, которые для себя их "излюбили", избрали. Государь этих излюбленных людей звал на соборы уже сам, своим произволением. Бывал на соборах "из городов *выбор*", но это был не выбор в нашем смысле слова, а "отбор", сделанный не для соборного представительства, и притом московскими чиновниками, а не населением.

Итак до Смутного времени соборы состояли из царских советников разных сословий и мест и бывали, в этом смысле, "всенародными". Но на них не было выборных представителей, посланных земщиной, и собирались они властью, а не "землей". В Смутное время дело получило совсем иной вид.

Когда московские междоусобия расшатали обычный московский порядок, обнаружилось важное значение тех местных связей, которые соединяли городское и уездное население в общины и корпорации. Уже в 1608 году царь Василий Иванович Шуйский обращается за помощью к земским людям, прося их действовать всеми местными средствами на пользу Москве. Утратив в борьбе с Тушинцами свои военные силы и денежные ресурсы, царь надеялся на земскую самодеятельность и ждал земской помощи. При этом выяснилось, что служилые люди в уездах не имели возможности сами сплотиться для каких-либо общих действий. Они обыкновенно ждали призыва на службу и являлись на этот призыв каждый в меру своего усердия, но, предоставленные самим себе, они разбредались по отдельным поместьям и вотчинам и сидели в одиночку по своим гнездам, не имея никакой привычки к взаимному общению и совместным выступлениям. Только рязанское дворянство (по различным причинам) отличалось в этом отношении от дворянства других мест и умело спланировать и действовать согласно и

самостоятельно. Учтя такую слабость поместного служилого люда, царь Василий посылает на окраины государства своих доверенных людей князя М. В. Скопина-Шуйского и боярина Ф. И. Шереметева для систематического сбора и привода к Москве служилых людей, сидевших по уездам и городам. Оба воеводы и собрали, кого могли: Скопин-Шуйский на северо-западе, а Шереметев на востоке Московского государства.

Иначе дело обстояло в податных общинах северной половины государства, там, где не было крепостной зависимости крестьян от мелких помещиков и вотчинников и где города были не только крепостями с гарнизоном, но и рынками с торговым населением. Там, на севере, крестьяне в уездах и посадские люди в городах составляли многолюдные и нередко богатые "тяглые" общины. Податное самоуправление таких "тяглых" общин в московской Руси было "исконивечным" явлением. Государь налагал на общину общую сумму податных платежей; разнести эту сумму по частям на отдельные податные хозяйства было делом самой общины. Из этого дела вытекала необходимость известного мирского устройства, такого, которое бы позволило распределить податное бремя равномерно и справедливо на всех членов общины и собрать вовремя податные взносы от отдельныхплательщиков. Делалось это посредством выборных "земских старост", ведших мирское хозяйство. В середине XVI века правительство Грозного нашло возможным передать местным податным мирам все дела местного управления: и полицию, и суд, и финансы: если община просила о даровании ей самоуправления, правительство уже не назначало в данную местность своего наместника, а разрешало местному населению самому избрать из своей среды административный штат и самому ведать, как податные дела, так и суд и администрацию в своей волюсти. Размеры самоуправлявшихся волостей бывали иногда очень велики. Так, Важская "земля" или Важский уезд, получивший в 1552 году право самоуправления, охватывал бассейн р. Ваги, большого притока Сев. Двины. Этот старый "уезд" соответствовал двум нынешним — Шен-

курскому и Вельскому, и делился тогда на семь станов. Обращаясь в таком составе в особый цельный округ самоуправления, Вага получала право избрать две коллегии уполномоченных "о всяких делах земских управа чинить" — одну для Шенкурской, другую для Вельской половины уезда. Понятно, что каждый член такой коллегии являлся в ней выборным представителем той части уезда (посада, стана, волости), которая его выбрала и уполномочила. Круг дел таких коллегий был очень широк, и "излюбленные головы", "судейки" и "старосты" иногда превращались в местное представительное собрание не только по текущим делам, но и по делам особым. Так, в XVII веке известен случай, когда в Великом Устюге собрались из уезда всех волостей выборные люди и составили челобитье государю о том, чтобы отделить их крестьянское самоуправление от городского и учредить всеуездную земскую избу отдельно от посадской избы города Устюга; челобитье их было удовлетворено, несмотря на противодействие горожан. Такого рода земские учреждения существовали на всем московском севере и не только в черных (государственных) тяглых общинах, но и на частновладельческих землях, монастырских и боярских. Нельзя поэтому удивляться той роли, какую получили земские организации московского севера в Смутное время. Царь Василий Шуйский, собирая служилых людей, в то же время стал возбуждать к деятельности тяглое северное население, прося его отстаивать своими силами свои места от тушинцев, а если будет возможно, то идти через Ярославль на помощь Москве. Ясен расчет его на действие местных организаций; но еще яснее сказался этот расчет в мероприятиях князя М. В. Скопина-Шуйского, посланного, как мы видели, царем Василием в Новгород за войском. Из Новгорода, через Каргополь и еще чаще через Вологду, Скопин входил в сношения с северными тяглыми мирами от Перми до Соловок, посылал туда своих людей, давал руководящие указания и объединял деятельность городских и волостных миров, направляя ее к освобождению Москвы от Тушина. Север воодушевился. Из многих мест земские рати, собранные и

снабженные тяглыми общинами, становились под начальство излюбленных миром "голов", служилых людей и не служилых, даже вдовых попов, и шли на юг, на бой против "воров". За ними оставались в тылу, руководя походом и собирая новые дружины и средства для борьбы, мирские советы обычного состава, из старост и "лучших людей", или же составленные особым порядком. В Вологде, которая по многим причинам получила значение одного из главных центров земского движения, образовался совсем особенный совет. Зимой 1608 — 1609 года в Вологде собралось много иностранных купцов и "все лучшие люди, московские гости"; они ехали с товарами и казной из Архангельска в Москву и, не попав туда по причине смут и осады Москвы тушинцам, зазимовали в Вологде. Узнав об этом, царь Василий приказал вологодским воеводам привлечь к делу обороны Вологды этих иноземцев и гостей: выборные от них должны были участвовать в руководстве военными действиями "с головами и ратными людьми в думе заодин". В одной "думе", стало быть, сошлись представители разных слоев местного населения, а не одни только тяглые люди местной податной общины. Образовался сословный мирской совет для руководства делами города.

Двумя годами позднее, когда порядок в государстве был окончательно разрушен и области, не имея общего правительства, были предоставлены самим себе, — такие общесословные советы сами собой возникли по всем крупным городам Московского севера. Они — по ходу дел — должны были, не ограничиваясь обороной своего города, заботиться о восстановлении общего, всем одинаково необходимого порядка. Для этой цели городские советы вступали в письменные сношения с другими городскими мирами, желая достичь общеземского согласия и устройства, чтобы "всей Землей" идти "на очищение" Москвы от внешних врагов. Особенно хорошо писал в города ярославский совет: прекрасно составленные ярославские грамоты 1611 года показывают, что ярославский "мир" считал себя тогда средоточием всех вообще северных областей. Из этих грамот, подписанных мирскими советниками, мы видим,

что в Ярославском совете участвовали люди всех сословий: духовенство, дворяне, посадские люди. Так бывало и в других городах. В Нижнем-Новгороде, всем миром, от архимандритов и воевод до стрельцов и служилых иноземцев, снаряжали гонцов к патриарху Гермогену с „советными челобитными“.

От сословных советов в отдельных городах был один шаг до советов нескольких городов, и этот шаг был сделан. В том же 1611 году городские миры усвоили обычай посылать "для доброго совета" в другие города своих представителей. Так, знаменитый рязанский воевода Ляпунов послал в Нижний "для договора" дворянина Биркина с дьяком, дворянами и всяких чинов людьми, а в Калугу своего племянника с дворянами. Из Казани на Вятку ездили послами сын боярский, два стрельца и посадский человек. Пермь отправила двух "посыльщиков" в Устюг "для совету о крестном целованье и о вестех". Из Галича на Кострому "для доброго совета" прислали дворяне одного дворянина, а посадские люди одного посадского человека. Из Ярославля "от всего города" дворянин да посадский человек посланы были в Вологду. Из Владимира в Суздаль отправили "на совет" дворян и посадских "лучших людей. Словом, посылка представителей, выбранных местными обществами, из одного города в другой стала обычаем, и соединение в одном сословном "совете" представителей нескольких областей произошло естественно, вследствие исключительных событий Смутной эпохи. Местная самоуправляющаяся община со своей выборной "земской избой" послужила как бы основой, на которой возникал сначала сословный совет "всего города", а затем совет и нескольких городов, образуемый выборными из всех слоев свободного населения, именно духовенства, дворянства и тяглых людей.

На этой же самой основе возник и выборный "совет всея земли" — в тот момент, когда советные люди из городов соединились впервые в общеземском соборе и стали считать себя высшей властью в государстве. Это произошло во время наибольшей "разрухи", когда Московское государство казалось совершенно погибшим от внеш-

него завоевания и внутреннего междоусобия. Тогда в отчаянном порыве "последние люди" московские поднялись за родину, успели соединиться в общее ополчение 1612 года и из знакомых им форм местного выборного представительства создали выборный "совет всея земли". Не имея другой власти, кроме выборной, эти "последние люди" и передали выборному своему совету верховное руководительство всеми делами страны.

Так в ужасах смут родилась "вся земля" — полномочный совет земских выборных людей.

II.

В первый раз слова "совет всея земли" и мысль о том, что "вся земля" сама может себя управлять и защитить, — появились еще в 1611 году, в земском ополчении против поляков, душой которого был Прокопий Ляпунов. Придя под московские стены освобождать Москву от врагов и изменников, земская рать осадила в Москве обычное московское правительство бояр и "приказных" людей и лишила его власти над страной. Ясно было, что ратным людям, взамен этого московского правительства, надобно было создать свое; надобно было устроить не только военное управление в рати, но и общее управление в государстве. Воеводы рати и решили общим советом обдумать ратный и земский порядок; они собрали в своем стане "всю землю" — торжественный совет, который 30 июня 1611 года постановил свой "приговор" о всех вообще ратных и земских делах. По тексту приговора 30 июня есть возможность судить о том, что это был за ратный совет. В состав совета вошли представители разных частей подмосковной рати, а не разных городов и уездов государства. Но так как ратные отряды представляли собой свои города и уезды, то ратный совет почитал себя представителем не одного ополчения, но всей земли, и действовал за все государство, называя себя "советом всея земли" и делая постановления общегосударственного характера. Он установил под Москвой новые государственные учреждения, "приказы", и сделал

ряд распоряжений по служилому землевладению и местному управлению. Эти учреждения и распоряжения упраздняли прежнее московское правительство, запечатое в осажденной Москве, и отменяли все признанные неудобными, ранее действовавшие законоположения. Очевидно, "совет всея земли" считал себя в праве распоряжаться судьбами всей страны и видел в себе самом законного выразителя народной мысли и воли. С этим, однако, трудно согласиться. Совет состоял из ратных людей, большинство которых принадлежало к служилому классу и лишь некоторая часть вышла из рядов городского и уездного податного класса, пославшего под Москву свои дружины. Но эти представители городского населения могли сами не быть горожанами и "мужиками", а всего вернее, что в огромном большинстве были тоже служилыми людьми, только "излюбленными", то есть, выбранными в "головы" к тяглым ратям тяглыми людьми. По крайней мере, нет ни одного упоминания о выборных тяглецах в составе ратного собора 1611 года, и это дает основание сказать, что земские представители на этом соборе, если и представляли оба сословия, служилое и тяглое, сами принадлежали только к первому. О составе совета 1611 года как летопись, так и самый приговор 30 июня выражаются так: "всякие служилые люди и дворовые и казаки"; о торговых же и черных людях они ни разу не говорят. Стало быть, представительство на совете далеко не было полным и нормальным. Кроме того, в состав "совета всея земли" не вошли ни патриарх с "властями", ни боярская дума: патриарх и бояре были затворены в Москве, в плену у польско-литовского гарнизона. Таким образом, если судить строго, совет 1611 года никак не мог именовать себя "всею землею" и почитаться за земский собор. Ратное совещание усвоило себе право думать за всю землю и заботиться о всей земле, конечно, не потому, что представители рати считали себя земским собором, а потому, что им удалось соединить в своем приговоре представителей очень многих местных всесословных советов, от которых пришли под Москву городские и волостные рати. Односословный по составу *ратный* совет отражал

всесловные городские миры, действовал по их доверию, стремился обеспечить их интересы, наконец, преследовал общую народную задачу — освобождение Москвы. Чувствуя за собой общенародное доверие, а пред собой общенародную цель, совет 1611 года с уверенностью в своей правоте называл себя "всею землею" и законодательствовал за всю землю.

Иначе посмотрели на дело в Нижегородском ополчении. Там хотели создать правильный "совет всея земли", с полномочными представителями всех вообще сословий. Князь Дм. М. Пожарский, только что устроив в Нижнем-Новгороде первые ратные отряды, уже пишет в города просьбу прислать — вместе с денежной и ратной помощью — и выборных людей "для земского совета", именно "дворян и детей боярских и земских лучших людей, из всех чинов по человеку". Когда начался поход из Нижнего и войско Пожарского избрало для своих действий опорным пунктом Ярославль, то в Ярославле сосредоточились и земские выборные. Придя в Ярославль, Пожарский просил города поскорее прислать туда выборных "и с ними совет свой отписать", то есть дать им наказы, "как бы в нынешнее конечное разорение быть не безгосударными". По-видимому земские представители съехались в Ярославль вскоре, и летом 1612 года в Ярославле уже действовала "вся земля".

Любопытно то старание, с которым ратные власти в Ярославле формировали "совет всея земли". Этому совету желали придать вид полного земского собора, с участием освященного собора, бояр и земских людей. Но где же было взять правильный освященный собор, когда не было патриарха (патриарх Гермоген уже скончался в Московском кремле), а старейшие митрополиты были в плену, новгородский — у шведов, а ростовский — у поляков? Однако в Ярославле непременно хотели иметь освященный собор и создали его таким порядком, что призвали в Ярославль бывшего на покое старого ростовского митрополита Кирилла и при нем составили духовный совет, который ведал церковное управление и именовал себя "освященным собором". В этом, по

тогдашним понятиям, не было фальши: в 1563 году, например, при взятии Полоцка, в рати Грозного, бывшего там коломенского владыку Варлаама с состоявшим при нем духовенством тоже называли "освященным собором". Точно также не могло быть в Ярославле нормальной боярской думы, "всех бояр", так как "все бояре" сидели с поляками в Москве, но и они уже не считались законным "синклитом". Однако в Ярославле хотели иметь и синклит. В рати Пожарского были два лица с боярским саном: В. П. Морозов и князь В. Т. Долгорукий. С ними вместе в высшем административно-военном совете Пожарского действовали старшие ратные предводители. Это и был "синклит", который называли тогда определенными терминами: "бояре и воеводы", "начальники". Начальники и заменяли собой "бояр всех". К этим двум постоянным органам ярославского правительства, то есть, к митрополиту Кириллу со властями (освященный собор) и Пожарскому с начальниками (синклит) были присоединены выборные земские представители служилого и тяглового сословия, — и получился полный земский собор. Он сам считал себя "советом всея земли"; на его "приговоры" опиралась исполнительная власть в ополчении; его почитали верховным правительством не только русские города, но и иностранцы (шведы), сносившиеся с ярославским правительством.

Таким образом "всея земля", стремясь к своему правильному и авторитетному устройству, приняла форму именно такого земского собора, какие бывали "при прежних великих государях" в XVI веке. "Всю землю составляли: 1) "власти", 2) "синклит" и 3) "всяких чинов люди". При прежних великих государях соборы подобного состава собирались по царскому произволению; теперь "вся земля" собралась самопроизвольно, по народному избранию, потому что люди были "безгосударны". При государях соборы играли роль совещательную; теперь "вся земля" не только была советом при воеводах, но и правила всем государством, "строила" земский порядок и прежде всего думала о царском избрании, потому что не хотела быть без государя "и малое время". Из редкого

и пассивного совещания, каким в сущности были соборы XVI века, "вся земля" выросла в орган верховного управления, который действовал постоянно и руководил всеми делами страны, имея главной целью восстановление в стране правильного порядка и избрание государя.

III.

Вот этой-то "всею землею" и был избран на царство Михаил Федорович. От "всей земли" поехали к нему "челобитчики" просить его принять престол и, получив его согласие, 14 марта 1613 года нарекли его царем. Молодой государь немедленно отправился из Костромы, где он тогда жил, в Москву и прибыл туда 2-го мая. Началось новое царствование, главной заботой которого было восстановление старых порядков, потрясенных Смутой. Но четырнадцать смутных лет многое переменяли в коренных условиях Московского быта, и возвращение к старым порядкам не всегда оказывалось возможным. "Всея земля" была сама одним из таких новшеств, каких в старину не было

...иначе говоря, оказался народ, свя-
занный племенной и церковной связью. Для спасения своей
веры и государства, этот народ после многих между-

усобий сплотился и "всею землею" избрал царя. Новому царю царство уже не могло стать просто "вотчиной", ибо вотчинных прав на государство у нового царского рода не бывало. Новый царь получал власть не над частным имуществом, а над народом, который сумел, как мы видели, организовать себя и создать с в о ю временную власть во "всей земле". Власти постоянной, возникшей в лице нового государя, надлежало определить свои отношения ко "всей земле" и править ей и вместе с ней. Старый вотчинно-государственный быт уступал место новому, более высокому и сложному, — государственно-национальному. Новая власть и должна была действовать сообразно новым условиям.

В первые дни своего царствования царь Михаил Федорович чувствовал себя в затруднительном положении; Смута внутри еще продолжалась; внешние враги угрожали по-прежнему; средств в казне не было. Земский собор, избравший царя, употреблял все усилия к тому, чтобы достичь порядка, собрать силы и средства. Но скоро это не могло сделаться, и молодой государь с упреком указывал собору на "нестроения", грозя не принять врученной власти и даже колеблясь, ехать ли ему в столицу. Он не видел возможности править страной и унять "всемирный мятеж" без содействия собора и требовал этого содействия, призывая себе на помощь "всею землею" во всяких делах управления. Иначе говоря, на первых же порах новый государь хотел править с собором и не видел в этом умаления своих державных прав и своей власти. Со своей стороны, и "всея земля" нисколько не желала умалять власть своего избранника и с послушным усердием шла ему на помощь во всем, в чем могла. Земский избранник и народное собрание не только не спорили за свои права и за свое первенство, но крепко держались друг за друга в одинаковой заботе о своей общей целостности и безопасности. Сознание общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ее земский совет к полнейшему согласию и обращало царя и "всею землею" в одну нераздельную политическую силу, боровшуюся с враждебными ей течениями внутри государства и вне его. Так обстоятельства Смутной поры придали государственной